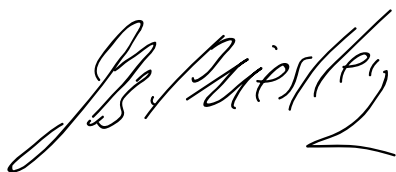

Джон Бойнтон Пристли

J.B. Priestley

При блеске дня
Дженни Вильерс

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31
ББК 84(7Вел)-44
П77

Серия «Библиотека классики»

John Boynton Priestley

BRIGHT DAY

JENNY VILLIERS

Перевод с английского *Е. Романовой* («При блеске дня»),
В. Ашкенази («Дженни Вильерс»)

Серийное оформление и дизайн обложки *В. Воронина*

Печатается с разрешения The Estate of J. B. Priestley,
United Agents LTD и The Van Lear Agency LLC.

Пристли Джон Бойнтон.

П77 При блеске дня; Дженни Вильерс: [романы] / Джон Бойнтон Пристли ; [перевод с английского]. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 512 с. — (Библиотека классики).

ISBN 978-5-17-186874-1

Чтобы не сорвать сроки, преуспевающий британский сценарист Грег Доусон, главный герой романа «При блеске дня», уезжает работать над новым проектом в отдаленную гостиницу в приморском Корнуолле. Случайная встреча с пожилой супружеской парой, с которой он был знаком в молодости, заставляет Грега вспомнить полное оптимизма довоенное прошлое и задуматься, когда же его жизнь свернула не туда.

Успешный драматург Мартин Чиверел переживает творческий кризис и решает бросить писать. Однако в старом театре на севере Англии, куда Мартин приехал на премьеру своей последней пьесы, ему внезапно является видение трагедии, случившейся в стенах здания веком ранее с юной актрисой по имени Дженни Вильерс.

УДК 821.111-31
ББК 84(7Вел)-44

© J. B. Priestley, 1946, 1947
© Перевод. В. Ашкенази, наследники, 2026
© Перевод. Е. Романова, 2026
 Школа перевода Баканова, 2026
© Издание на русском языке AST Publishers, 2026

ISBN 978-5-17-186874-1

При блеске дня

Посвящаю жене за 14 сентября

При блеске дня ехидна выползает...

*Уильям Шекспир. Юлий Цезарь*¹

Глава первая

Поехать в Тралорну и остановиться в гостинице «Ройял оушен» мне предложил Brent, кинопродюсер. По его заказу я писал сценарий для фильма «Леди наносит ответный удар» — точнее, несколько месяцев валял дурака, пока Brent внезапно не заявил, что сценарий ему нужен как можно скорее. Чтобы закончить работу в сжатые сроки, мне было просто необходимо куда-нибудь уехать. Brent предложил Тралорну и «Ройял оушен». В прошлом году они снимали в Корнуолле фильм и останавливались там со съемочной группой. «Лучше места не придумаешь, Грег, — сказал он. — Делать там совершенно нечего, только работать. Номер у тебя будет размером с кинопавильон, кормежка никудышная, а большинство постояльцев приехали туда доживать последние дни. Словом, голодно и скучно — идеальные условия для работы. Смотри не обмолвись хозяевам о нашем знакомстве: они меня на дух не переносят. Бар в гостинице, кстати, приличный, но советую тебе там не засиживаться. Чтобы к середине следующего месяца сценарий был готов!»

И я поехал. А Brent (который всегда говорит так, что невольно сомневаешься в любых его суждениях)

¹ Перевод П. А. Козлова.

вновь меня удивил: все его суждения по поводу гостиницы «Ройял оушен» оказались совершенно справедливы. О лучшем месте для работы нельзя было и мечтать. Меня поселили в огромном номере на самом верху башни, и, работая высоко над сверкающим морем, я чувствовал себя смотрителем маяка. Кормили и впрямь скверно, а крошечные порции строго выверенных размеров наводили на мысль о бригаде физиков в поварских колпаках; большинство постояльцев действительно выглядели так, словно приехали сюда доживать последние деньки, а некоторые — словно уже дожили и призраками навек поселились в этих стенах. Мне было голодно, скучно, и я много работал.

Бар действительно оказался неплохим, а Брента и съёмочную группу хозяева вспоминали так, как жители разоренного города вспоминают армию оккупантов. Гостиница была больше, чем я ожидал; она стояла на высоком утесе, за окнами столовой кричали чайки, а где-то далеко внизу ворчал и вздрагивал Атлантический океан. На стенах коридора и вестибюля висело множество бутафорских копий, алебард, щитов и доспехов — сплошные свирепые львы и отдыхающие леопарды. Такое впечатление, что кинокомпания «Метро-Голдвин-Майер» недавно снимала здесь малобюджетный фильм «Айвенго».

Мой режим труда и отдыха был простым и скучным, как тарелка холодной овсянки. Все утро я тарабанил двумя пальцами по клавишам пишущей машинки у себя в башне, затем спускался к позднему обеду в столовую. Днем я бездельничал и отправлялся на прогулку то в деревню, то по дорожкам вдоль обрыва. Выпив чаю раньше положенного, я возвращался в башню и вкалывал до восьми, после чего торопливо шел в бар,

где выпивал стаканчик розового джина, а потом принимался за одинокий ужин в углу столовой. К девяти часам я обязательно приходил в вестибюль послушать новости: среди свирепых и отдыхающих зверей гремело радио, сотрясая стены своей беззаветной уверенностью в будущем и рассказами слепцов о земле обетованной. Когда же трио (о них я поведаю позже) вновь принималось играть Эрика Коутса или Коула Портера, я прятался в баре или возвращался к себе, где порой разговаривал по телефону с Брентом или Георгом Адонаем, режиссером фильма, а чаще просто набрасывал план завтрашней работы — и непременно читал американские детективы самого низкого пошиба, многие из которых вышли из-под пера моих вечно пьяных голливудских коллег.

В Корнуолле царил весна, о том говорили все приметы: хлесткий дождь внезапно сменялся ослепительным солнцем, по небу стремительно плыли облака, похожие на ветхие паруса, внизу бесновался зеленый океан, вдоль обрыва цвел утесник, а рядом с гостиницей красовались пышные подушки примул. Однако все это словно бы происходило где-то в стороне и не имело ко мне никакого отношения. Весна не входила в мои рабочие планы, скучные и безотрадные, как и обещал Брент, — а значит, ничто не отвлекало меня от писанины.

Сцена за сценой, кадр за кадром нового фильма «Леди наносит ответный удар» появлялись на бумаге, точно по волшебству. Впрочем, это вовсе не значит, что мне не пришлось потрудиться. Когда пишешь сценарий, работает только одна часть мозга, зато работает на износ: старое доброе подсознание в таких делах не помощник. Как ни бейся, в глубинах разума

сокровищ не найдешь, остается только работать извилинами и потеть.

Тут я должен заметить — это имеет значение для моего рассказа, — что будущий фильм был вовсе не так прост, как может показаться на первый взгляд и каковым он предстал бы в пресс-релизах. Мы не хотели снимать обыкновенную полуторачасовую комедию с парочкой трюизмов в финале. По сути своей картина была жесткой и холодной; ее игрушечные герои существовали в мире черного льда. Мы — Brent, я и Георг — хотели исподволь внушить миллионам и миллионам зрителей, расслабленно сидящих во мраке кинозалов, одну мысль: от этого мира нельзя ждать ничего хорошего, дальше будет только хуже, не позволяйте водить себя за нос. И хотя мы никогда не заикались об этом даже друг другу, каждый прекрасно знал, что делает и что остальные двое тоже это знают. Вот она, главная тайна кинопроизводства (пусть рекламные агенты, прокатчики и критики о ней не догадываются), самое настоящее волшебство кинематографа — это тихое нашептывание в темноте на ухо пятидесяти миллионам. Наверное, ошибочно утверждать, будто подсознание не играет в моем деле никакой роли, однако факт остается фактом: каждую сцену, каждую реплику ты спокойно и сознательно продумываешь и выписываешь. Это тяжелый труд.

В гостинице было около сорока постояльцев — сплошь старики да несколько молодых пар, которые заново познавали друг друга после войны. Каждый день я перекидывался с кем-нибудь парой слов — главным образом в баре, — но намеренно не заводил близких знакомств, ведь я приехал сюда работать, а не отдыхать. Особенно тщательно я избегал компании в первые

дни, пока раскачивался; впрочем, я и потом продолжал держаться особняком, просто потому, что никто меня особо не заинтересовал. И все же одна пара, поселившаяся в гостинице несколькими днями позже, пробудила во мне любопытство. В столовой они сидели всего через два столика от меня. На вид они были весьма состоятельны, даже богаты — обоим под шестьдесят, оба высокие, худые и какие-то иссохшие, словно бескровные. Как часто бывает с престарелыми супружескими парами, на первый взгляд они казались удивительно похожими друг на друга. Примерно одного роста, одинаково сухие, серые, почти прозрачные, с маленькими головами и плоскими лицами. Но вскоре я заметил, что у него глаза были голубые, холодные и мутноватые, а у нее — темные, беспокойные и по-прежнему ясные. Все говорило о том, что некогда она была очень красивой женщиной, однако из-за многочисленных процедур по возвращению молодости выглядела она гораздо старше и хуже своих сверстниц, которые не могли тратить столько времени и денег на внешность. Ее супруг был моложав, розовощек и вроде бы приятен в общении, но что-то в его взгляде говорило о склонности чрезмерно потакать собственным слабостям, которая свойственна многим престарелым зажиточным англичанам и всегда вызывала во мне отторжение.

Любопытство во мне проснулось от смутного чувства, что я уже где-то видел этих людей. Или они просто напомнили мне каких-то давних знакомых... Но кого? Когда и при каких обстоятельствах мы встречались? То и дело за обедом и ужином я напряженно изучал супружескую чету, силясь раскопать в памяти хоть что-нибудь... Все было тщетно. Эта маленькая неразгаданная тайна вскоре начала действовать мне

на нервы, и потому несколько дней спустя я решил навести справки об этих загадочных и неприятных людях, которые, между прочим, не проявляли ко мне ни малейшего интереса. Я задал несколько вопросов завсегдашней барыне и в конце концов разузнал, что супружеская чета — лорд и леди Харндин. Он раньше был успешным коммерсантом и прямо перед войной получил дворянский титул.

Все эти сведения никак мне не помогли. Фамилию «Харндин» я слышал впервые.

— Раньше его звали иначе, — припомнил мой собеседник, мужчина по имени Хорнкасл. — Вот только не помню как. Во время войны он работал на правительство, но сейчас, конечно, все бросил. Может, вы на войне встречались?

Я точно знал, что нет.

— Если мы и встречались, то намного раньше. Из Америки я вернулся в начале сорокового и прожил там десять лет — в основном в Голливуде.

— В Голливуде! — сразу оживился Хорнкасл.

Удивительно, как часто люди оживляются при упоминании Голливуда — даже умудренные жизнью старики. Они могут не знать по имени ни единого продюсера, режиссера, сценариста, однако слово «Голливуд» неизменно заставляет их расплываться в улыбке. Звезды кино! Блондинки на миллион долларов! Оргии и пирушки!.. Хорнкасл едва не облизнулся от любопытства.

— Вы работаете в кино, Доусон?

— Да. Пишу сценарии.

— Стало быть, придумываете все, что будут говорить и делать на экране?

— По большей части.

Выкладывать ему сочные подробности голливудской закулисной жизни я не собирался, поэтому сослался на то, что у меня много работы, и отбыл. На обратном пути я принял решение выбросить несчастных Харндинов из головы. В конце концов, спонсоры мне не нужны, так с какой стати я днями напролет думаю о титулованных богачах? Тем более они сами никакого интереса ко мне не проявляют. Довольно, сказал я себе, отныне никаких Харндинов.

Наверное, я бы так и не вспомнил, кто они такие, если бы не Шуберт.

Вот и настала пора рассказать о музыкальном трио. За роялем сидел старый чех по имени Зенек, который попусту растрчивал свой талант в баре; выяснилось, что я знаком с его братом, похожим на него как две капли воды, только гораздо ниже ростом и чище плотнее, — тот работал помощником режиссера в «Парамаунте». Скрипачка Сьюзен и виолончелистка Синтия, взъерошенные, но милые девушки из Королевского колледжа, приехали сюда ради бесплатного отдыха на море играть в баре Кольриджа-Тейлора, Эрика Кутса, Джерома Керна и иже с ними. Сьюзен была бойкая коротышка, а Синтия — очень высокая и тихого нрава. Девушки меня забавляли, причем не столько своей непохожестью друг на друга, сколько неизмеримым презрением к гостинице «Ройял оушен» и всем ее постояльцам. После чая и короткого разговора с Зенеком о его брате я обыкновенно перекидывался с девушками парой слов и высмеивал их репертуар (надо сказать, они относились к себе очень серьезно). Я шутил, что до настоящих музыкантов им как до луны, и ужасно злил этим обеих девушек, но в особенности бойкую Сьюзен. Назло мне они однажды решили

сыграть Шуберта — и так я познакомился с четой Харндинов.

Я спустился к чаю с небольшим опозданием, когда трио уже оттарабанило подборку вещиц из «Плавучего театра». Я заметил, что Сьюзен смотрит на меня особенно дерзко — у нее были очень выразительные темные глаза, — а высокая Синтия, обернувшаяся вокруг виолончели, уж очень робеет. Старик Зенек копался в нотах и весело ухмылялся. Я понял, что следующая композиция будет исполнена специально для меня. Музыканты вознамерились показать себя во всей красе. Я огляделся. Почти все постояльцы уже разошлись, и было очень тихо. Харндины все еще сидели за своим столиком; я строго велел себе не обращать на них внимания и стал ждать музыку, которую, подозреваю, не только выбрали, но и хорошенько отрепетировали. Наконец Сьюзен бросила на меня взгляд, в котором ясно читалось: «А вот съешь-ка!», и музыканты заиграли.

То была медленная часть трио Шуберта си-бемоль мажор, которое я сразу же узнал по виолончели, чей изящный голос медленно и мрачно покачивался на волнах бездонной нежности. Несколькими мгновениями позже, когда виолончель тихо зароптала где-то на втором плане, мелодию подхватила пронзительно-щемящая скрипка, но я был уже далеко, в давно забытом мире и забытой поре. Я — молодой Грегори Доусон восемнадцати лет, застенчивый и неуклюжий — вновь очутился в гостиниой Элингтонов в Брэддерсфорде. Это было полжизни назад, еще до начала Первой мировой. Тонкая лента музыки отодвигала один занавес за другим. Люди и места, которые, казалось, давно растворились в легчайших, почти незримых оттенках моей памяти или превратились в смазанные каракули на по-

желтевших страницах старого дневника, начали внезапно вспыхивать перед моим взором, ослепительно живые, — а музыка все змеилась сквозь мое сердце подобно медленной процессии поджигателей. Дом Элингтонов, контора и склад на Кэнэл-стрит, домики на вересковых пустошах, сами Элингтоны: Оливер, Ева, Бриджит, Джоан и их друзья, дядя Майлс, тетя Хильда и вист... Экворт, старик Сэм и прочие мои коллеги с Кэнэл-стрит... Под пальцами вновь зашуршала голубая бумага для упаковки образцов шерсти, и словно по волшебству до меня донесся давно забытый аромат сирени, прибитой дождем летней пыли, чего-то горького... и над Бродстонской пустошью вновь вспархивали жаворонки. Когда музыка умолкла — случилось это скоро, поскольку трио сыграло лишь небольшой отрывок, — я с большим трудом вырвался из забытья, улыбнулся и похлопал музыкантам. В ту же секунду я вспомнил, кто такие лорд и леди Харндин: они по-прежнему чопорно сидели за столом, не разговаривая и не слушая музыку, а лишь молча и упорно борясь с дремотой этого праздного часа. Я поразился тому, что не узнал их сразу, ведь теперь мне было совершенно ясно — ошибки быть не могло, — это Малькольм Никси и его жена Элеонора, столь внезапно появившиеся в доме Элингтонов под эту самую музыку больше тридцати лет назад. Все мы с тех пор изменились, но как же я мог их не узнать?!

Конечно, они ничего не вспомнили; обратное было бы странно и совершенно для них противоестественно. Муж и жена сидели прямо, как штыки, и даже не помышляли о далеком 1913-м, — создания, вышедшие из троянского коня, которого мы столь неосмотрительно втащили в наш осажденный город. Малькольм и Элеонора Никси, внезапно нагрянувшие из Лондона

и отобравшие у нас все самое дорогое, чтобы потом стать лордом и леди Харндин, теперь сидели в гостинице «Ройял оушен» Тралорна и гадали, куда себя деть.

Я вовсе не хотел с ними разговаривать; между нами не могло состояться радушной беседы. Однако желание встретиться с ними лицом к лицу оказалось слишком велико.

— Вот уже четыре дня я гадаю, где мы с вами могли видаться, — обратился я к Харндинам, — и наконец вспомнил.

Они любезно поздоровались, но не сумели скрыть некоторого смущения. Богатые люди должны быть осторожны.

— Меня зовут Грегори Доусон, больше тридцати лет назад мы с вами встречались в Браддерсфорде. Мы даже вместе работали — «Хавес и компания», помните?

Да конечно, теперь они вспомнили. Переглянувшись, супруги и меня одарили милой ностальгической улыбкой, непоколебимо уверенные в том, что я отдаю себе отчет, каким далеким и нелепым было наше браддерсфордское прошлое. В конце концов, я ведь тоже отдыхаю в гостинице «Ройял оушен», не так ли? Состоятельный господин средних лет... Что ж, надо непременно встретиться за коктейлем или чашечкой кофе с ликером и вспомнить старые добрые времена. Примерно к этому, как я и предполагал, свелся наш разговор.

— Позвольте-ка, — все еще улыбаясь, сказал лорд Харндин, — вы ведь записались добровольцем, не так ли? А потом что? Торговлей больше не занимались?

— Нет, после демобилизации в 1919-м я получил работу на Флит-стрит, был несколько лет журналистом, написал пару романов, пьесу и в конечном итоге попал в Голливуд.

— А-а... кинематограф.

Я заметил, что Элеоноре тоже понравилось, как это звучит. Выходит, юный Доусон неплохо устроился. Кино — прибыльное дело.

— Помню-помню, — медленно проговорила она, бросив на меня весьма лестный взгляд по-прежнему красивых глаз, разом уничтоживший две мировых войны и годы неразберихи между ними, — вы и тогда были смышленным юношей, уже что-то писали.

— Больше болтал, чем писал. А теперь наоборот: приходится писать и помалкивать. Ну, мне пора, работа ждет, сроки горят. Еще увидимся — быть может.

Теперь лорд и леди смотрели на меня совсем другими глазами, нежели чем когда я впервые обратился к ним со словами о нашем общем прошлом. И все же в их взгляде сквозила неуверенность: они не могли решить, что думать о писателях, которые, как показывал опыт, могли быть и бездельниками, и могущественными злыми колдунами. В итоге Харндины на всякий случай попросили меня поскорее составить им компанию. (Настолько им было скучно и одиноко.) Я пообещал исполнить их просьбу и спешно удалился, ничем не выдав, что минуту назад передо мной разверзлась пропасть воспоминаний, — словно Брэддерсфорд остался для меня в таком же далеком прошлом, как и для Харндинов, и словно Шуберт не нашептывал мне только что из могилы.

Глава вторая

Есть несомненные преимущества в том, что тебе пятьдесят и за плечами — серьезный профессиональный опыт. Я поднялся в номер с намерением долго